

**МИНИАТЮРНАЯ
БИБЛИОТЕКА**

ИВ. НАЖИВИНЪ
ОСЕНИ ПОЗДНЕЙ
ЦВЕТЫ
ЗАПОЗДАЛЫЕ

EDIT: J. POVOLOZIKY & Co

ОСЕНИ ПОЗДНЕИ

ЦВѢТЫ ЗАПОЗДАЛЫЕ...

Миніатюрная бібліотека

Ив. НАЖИВИНЪ

Осени поздней
Цвѣты запоздалые...

J. POVOLOZKY & Cie
Éditeurs
13, Rue Bonaparte, Paris (6e)

Copyright by Pevslozky et Cie, Paris, 1920.

ОСЕНИ ПОЗДНЕЙ

ЦВѢТЫ ЗАПОЗДАЛЫЕ...

I.

Иванъ Константиновичъ, писатель, когда-то подававшій надежды, былъ теперь человѣкомъ конченнымъ. Когда вспыхнула революція 1905 года, онъ, вдумчиво взглянувъ въ ея кровавыя водовороты, со свойственной ему прямою и рѣзкою откровенно высказалъ о ней то, что властно встало въ его душѣ: революція должна быть чистымъ, почти религіознымъ устремленіемъ человѣчества къ свободѣ, справедливости и добру, а люди сдѣлали изъ нея вертепъ, полный разврата, лжи и крови, — намъ не по пути!.. Протестъ свой онъ озаглавилъ: «Бей, но выслушай!», но его стали всѣ бить, стали свистать, стали издѣваться, стали инсинуиро-

вать и забрасывать грязью, но не слушаль его никто, и одна за другой стали предъ нимъ закрываться двери тѣхъ редакцій, гдѣ до того онъ былъ желаннымъ гостемъ. Только прежніе противники его аплодировали ему и всячески тащили на свою сторону, но къ нимъ онъ не пошелъ и остался одинъ. Такого результата своего выступленія онъ не ожидалъ: онъ больше уважалъ людей, большаго ждалъ отъ ихъ ума и чувства справедливости, и, полный горечи, замкнулся въ себѣ. Когда острота момента прошла и страсти поутихли, когда предсказанная имъ неудача революціи стала уже очевидна для всѣхъ, онъ попробовалъ было снова выступить, заговорить, но не нашелъ никакого отклика: ему точно не хотѣли простить того, что онъ оказался правъ. И людямъ хотѣлось снова и по новому начать при первомъ удобномъ случаѣ все сызнова, а въ немъ они знали не только не попутчика, но и врага. И онъ замолкъ совсѣмъ, купилъ на небольшія деньги, что у него оставались, маленькую, но уютную и

живописную усадьбу под Москвой и весь ушелъ въ свое хозяйство. А долгими осенними и зимними вечерами онъ сидѣлъ за своимъ рабочимъ столикомъ, что-то любовно и медлительно — теперь торопиться было уже некуда — писалъ и складывалъ написанное въ столъ...

Но счастливъ и покоенъ онъ не былъ. Если и покорялся онъ судьбѣ, то все же не на пастькѣ своей, не въ саду хотѣлось ему быть, все же въ немъ жило напряженное, неистребимое желаніе высказать свои думы людямъ, и часто можно было видѣть, какъ, вдругъ овѣянный какой-нибудь мыслью, съ потухшимъ дымаремъ въ рукѣ, онъ неподвижно стоитъ надъ раскрытымъ ульемъ, и пчелы тревожно вьются вокругъ его поникшей головы, а потомъ очнется, вздохнетъ, черкнетъ что-то въ свою неразлучную записную книжечку и наклонится надъ пахучимъ, густо гудящимъ ульемъ или примется вырѣзать прошлогодній сухой малинникъ... И опредѣленно не клеилась у него семейная жизнь: хорошенькая куколка, Софья

Алексѣевна, на которой онъ женился еще совѣмъ молодымъ, съ удивительной быстротой опустилась вскорѣ послѣ замужества и всей своей плоской душой мѣщанки ненавидѣла эту замкнутую деревенскую жизнь и иногда злобно попрекала Ивана Константиновича, что ничего путнаго изъ него вотъ не вышло, и она вынуждена сидѣть съ нимъ « въ навозѣ ». Саша, дочь, такъ похожая на мать и лицомъ и душой, быстро выскочила въ зубные врачи, выучилась шарлатанить и прожигала жизнь по загороднымъ кабакамъ ; сынъ Владиміръ, точно нарочно, въ пику отцу-неудачнику, называлъ себя эсъ-дэкомъ и былъ опредѣленнымъ мало опрятнымъ въ жизни лоботрясомъ ; благодаря связямъ сестры, онъ, не окончивъ университета, поступилъ въ одно богатое страховое общество и какъ будто преуспѣвалъ... Иванъ Константиновичъ понималъ, что въ жизни его все кончено, что впереди только сумерки и, сдѣлавъ еще разъ попытку заговорить, опубликовавъ за свой счетъ,—издателя не нашлось,—

томъ разсказовъ, и увидѣвъ, что никто его книги не покупаетъ, совсѣмъ заперся у себя на усадѣбкѣ, притихшій и печальный, и даже въ Москвѣ почти никогда не бывалъ...

Быль погожій, свѣжій и душистый вешній вечеръ. Уставъ на обрѣзкѣ сада, Иванъ Константиновичъ сидѣлъ въ своей небольшой, скромной комнатѣ съ портретами любимыхъ писателей по бревенчатымъ стѣнамъ, съ уютной изразцовой печью и пестрой «дорожкой» отъ двери къ столу; единственнымъ украшеніемъ комнаты была довольно большая библіотека, занимавшая чуть не всю стѣну направо, и чудный видъ, открывавшійся изъ широкаго итальянскаго окна на живописную долину съ извилистой рѣчушкой и сѣрой мельницей и на синія лѣсныя дали... Форточка была открыта, и свѣжій вѣтеръ туго хлопалъ парусиновыми шторами, и слышался надсадный крикъ грачей на деревнѣ, въ старыхъ ветлахъ погоста, веселое щебетанье птицъ, яростный крикъ цѣтуха на дворѣ и озабоченное ку-

дахтанье курицы, извѣщавшей всѣхъ, что вотъ, обратите вниманіе, она снесла яйцо... Въ уютномъ домикѣ было тихо и хорошо. Отдыхая, Иванъ Константиновичъ взялъ съ полки первую попавшуюся книгу, какъ вдругъ за окномъ послышалось сопѣніе автомобиля и говоръ людей. Иванъ Константиновичъ посмотрѣлъ въ окно : у калитки остановилась щегольская машина, въ которой сидѣлъ величественный шоферъ въ шубѣ мѣхомъ вверхъ и корректный господинъ въ пенснэ; деревенскій парнишка, только что соскочившій съ подножки, показываеъ на домъ : вотъ тутъ онъ и живетъ... Господинъ далъ мальчишкѣ серебряный рубль и, сказавъ что-то шоферу, поправилъ шляпу и поднялся на крыльцо. Мальчишка во весь духъ понесся къ деревнѣ—вѣроятно, гостинцы въ лавкѣ закупать...

Иванъ Константиновичъ немного нахмурился: посѣтители у него бывали рѣдко, и онъ не любилъ ихъ,—кончено и кончено, и не о чемъ теперь разговаривать... Послышался

стукъ двери, вѣжливый голосъ посѣтителя и раздраженный, какъ всегда, отвѣтъ Софьи Алексѣевны.

— Но, можетъ быть, Иванъ Константиновичъ занимается?.. — еще вѣжливо переспросилъ гость. — Можетъ быть было бы удобнѣе въ другое время?..

— Ну, занимается... — все тѣмъ же тономъ, загремѣвъ чѣмъ-то, отвѣчала хозяйка. — Не велики его занятія...

Гость смущенно кашлянулъ. « До чего она дошла! » — подумалъ Иванъ Константиновичъ и открылъ дверь.

— Вы ко мнѣ? Раздѣвайтесь и пожалуйста...

— Надѣюсь, я не очень помѣшалъ... — говорилъ гость, вѣшая самъ пальто.

— Пожалуйста, пожалуйста...

Иванъ Константиновичъ пропустилъ посѣтителя впередъ и затворилъ дверь.

— Позвольте представиться: Захоржевскій, главный режиссеръ Новаго Театра... — вѣжливо отрекомендовался гость.

— Очень радъ. Садитесь, вотъ сюда,

къ столу... А я форточку закрою...
Вотъ такъ... Чѣмъ могу служить? —
спросилъ Иванъ Константиновичъ,
усѣвшись на свое жесткое, крѣпко
потертое кресло.

— Прежде всего позвольте мнѣ,
вашему читателю, поблагодарить
васъ, глубокоуважаемый Иванъ Кон-
стантиновичъ, отъ всего сердца за
ваши чудныя произведенія, которыя
только что доставили мнѣ столько на-
слажденія... — слегка привставъ и
поклонившись, сказалъ гость, чело-
вѣкъ лѣтъ подъ-сорокъ, въ золотомъ
пенснѣ, невыносимо приглаженный и
аккуратный, но съ открытымъ, пріят-
нымъ и умнымъ лицомъ ; и, когда
Иванъ Константиновичъ отвѣтилъ
ему безъ всякаго удовольствія та-
кимъ-же привставаніемъ, онъ про-
должалъ, ласково и уважительно глядя
на хозяина сквозь блестящія стекла :
— А, во-вторыхъ, я къ вамъ и по дѣлу.
Недавно мой пріятель, молодой про-
фессоръ Иванъ Алексѣевичъ Уховъ,
о которомъ вы, конечно, слышали, го-
товясь къ большому труду по исторіи
новѣйшей литературы, перечитывалъ

и ваши произведенія и, между прочимъ, и вашу « Пѣсню пѣсней ». Пьеса поразила его своей высокой художественностью, и какъ-то поздно вечеромъ уже прибѣжалъ онъ ко мнѣ и потребовалъ, чтобы я непременно прослушалъ ее. Прочитали мы ее, и я положительно ахнулъ : да какъ же это возможно, чтобы этотъ алмазъ чистѣйшей воды остался незамѣченнымъ?! Единственное объясненіе это то, что пьеса вышла въ такой неблагоприятный моментъ, когда уже разгрывалась эта наша несчастная революція, а потомъ, вѣроятно, и ваше знаменитое, справедливое, безподобное « Не могу молчать!.. »

— То-есть, « Бей, но выслушай »? — не могъ не усмѣхнуться Иванъ Константиновичъ.

— Ну, да, конечно... Ради Бога извините!.. — смѣшался гость. — Это я съ Толстымъ спуталъ... Да, такъ вотъ собралъ я у себя черезъ нѣсколько дней всю почти нашу труппу — а вы знаете, у насъ артисты съ большимъ выборомъ — и, сказавъ, что вотъ ко мнѣ поступида пьеса од-

ного начинающаго автора, по-моему, очень недурная, предложилъ имъ прослушать се. « Пѣсня пѣсней » произвела на всѣхъ огромное впечатлѣніе, а, когда сказалъ я, что пьеса написана двадцать лѣтъ назадъ, и мы, травленные волки, мы, буквально утопающіе въ моряхъ посредственности, проморгали се, всѣ, какъ и я, только развели руками. И вотъ, мы единогласно постановили просить у васъ разрѣшенія открыть вашей чудной « Пѣснью пѣсней » будущій сезонъ—этотъ уже кончается... Мы хотѣли ѣхать къ вамъ на поклонъ почти всей труппой, но потомъ подумали, что вамъ это, можетъ быть, будетъ въ тягость... Но, если вы дадите намъ разрѣшеніе на постановку вашей пьесы, мы все же должны будемъ пріѣхать къ вамъ : надо, чтобы пьеса была прочитана еще разъ въ вашемъ присутствіи и чтобы вы поговорили о ней съ артистами...

Трудно передать, что испытывалъ въ эти минуты Иванъ Константиновичъ, этотъ уже отяжелѣвшій, съ легкой сѣдиной на вискахъ человѣкъ,

въ поношенной шведской курткѣ и неопрятныхъ тяжелыхъ сапогахъ. Онъ чувствовалъ, что вотъ упала каменная плита съ гробового входа, и онъ встаетъ изъ гроба, воскресаетъ къ какой-то новой, весенней, солнечной жизни... И, стараясь подавить въ себѣ волненіе, онъ отвѣчалъ :

— Конечно, я буду очень радъ... Только ужъ лучше я самъ къ вамъ приѣду... Куда же тутъ? И далеко всѣмъ ѣхать, и тѣсно у меня... Да, какъ ваше имя-отчество?

— Аркадій Федоровичъ... — опять слегка привсталъ гость.

— Такъ уже я самъ приѣду, Аркадій Федоровичъ. Пазначайте, когда и куда...

— Какъ вамъ только будетъ удобнѣе...

— Да мнѣ все равно. Я человѣкъ свободный...

И они условились въ слѣдующее же воскресенье собраться у Аркадія Федоровича въ три часа.

— А теперь... — поднимаясь, проговорилъ довольный Аркадій Федоровичъ, — не смѣю больше затруднять...

— Ну, чего тамъ затруднять?... — весело проговорилъ Иванъ Константиновичъ. — Оставайтесь, закусимъ чѣмъ Богъ послалъ...

— Тысячу благодарностей... — раскланивался Аркадій Федоровичъ. — Я долженъ спѣшить — вѣдь, къ семи я долженъ быть въ театръ... Служба!

— Ахъ, да... Такъ... — сказалъ Иванъ Константиновичъ. — Ну, такъ я провожу до станціи... Да нѣтъ, нѣтъ... — остановилъ онъ вѣжливыя протесты Аркадія Федоровича. — Мнѣ и самому доставить удовольствіе еще побесѣдовать съ вами, а потомъ я все равно вмѣсто прогулки хожу туда за газетами...

Аркадій Федоровичъ предупредительно отворилъ дверь, и они оба потанцовали, сколько полагается, пропуская одинъ другого впередъ на порогъ, и вошли въ переднюю, гдѣ ихъ встрѣтила уже успѣвшая немного принарядиться Софья Алексѣевна: она подслушала и рѣшила, что гость важный, не какъ эти тамъ разные издатели «идейные», которые

норовять даромъ выманить какой-нибудь разсказъ «для народа». Она уже не ворчала, вѣжливо пригласила гостя выпить чайку съ своимъ медомъ — «въ Москвѣ вашей у Елисѣева такого не найдете...» — и выразила большое сожалѣніе, когда узнала, что Аркадію Федоровичу надо торопиться.

И на лицѣ ея была та фальшивая, точно деревянная улыбка, которую такъ не любилъ у ней Иванъ Константиновичъ... Онъ надѣлъ свою многолѣтнюю мягкую шляпу и взялъ трость посолиднѣе — очень ужъ до-нимали собаки на деревнѣ. Оба снова поплисали на порогъ и вышли на мокрую, точно вымазанную масломъ, блестящую дорогу, надъ которой на старыхъ березахъ уже трещали, всплескивая крылышками, скворцы, и гдѣ такъ пріятно пахло свѣжей ширью пробуждающихся полей, навозцемъ и дымкомъ.

— А хорошо у васъ все-таки тутъ, — съ удовольствіемъ сказалъ Аркадій Федоровичъ, какъ всегда говорятъ въ такихъ случаяхъ городскіе гости. — Какой воздухъ!..

И благосклонно посмотрѣлъ во-
кругъ сквозь свои стеклышки...

Автомобиль, мягко и солидно пока-
чиваясь, блестя и посапывая, пошелъ
красивой широкой дорогой по ста-
рому бору, вдоль высокаго берега
хорошенькой рѣчушки. Оживившійся
Иванъ Константиновичъ разспраши-
валъ гостя о театрѣ, и тотъ говорилъ
хорошо и тепло, и потихоньку изъ-за
выложенной виѣшности его выгля-
нула его душа, понимающая и инте-
ресная. И, когда подѣхали къ ма-
ленькой станціи, Иванъ Константи-
новичъ долго и горячо жалъ руку
этому милому человѣку, всего только
нѣсколькими словами пробудившему
его къ жизни...

Забравъ свои „Русскія Вѣдомости“
и разгонистую открытку женѣ отъ
Саши, Иванъ Константиновичъ бодро
пошелъ обратно, напѣвая что-то ра-
достное, которое онъ тутъ же самъ
и составилъ изъ разныхъ обрывковъ
слышанныхъ имъ когда-то и гдѣ-то
мелодій. И сцена за сценой вспоми-
налась ему « Пѣсня пѣсней », одна
изъ самыхъ его любимыхъ вещей...

— Вѣдь, вотъ поняли же, наконецъ, почувствовали!.. — ударилъ онъ тростью въ мягкую, пахучую зѣмлю. — Ахъ, чортъ васъ побери!..

И на глазахъ его зажглись слезы... И онъ не стыдился ихъ. Весна, весна!..

И когда вернулся онъ домой, на ярко освѣщенномъ столѣ его ждалъ уже деревенскій ужинъ — своя свѣжая рѣдиска, свое масло, свой творогъ... — и жена сама налила ему обычную рюмку водки. И онъ съ аппетитомъ, весело ѣлъ, съ удовольствіемъ предвкушая, какъ вотъ сейчасъ уйдетъ онъ къ себѣ и, не торопясь, со вкусомъ, перечитаетъ свою любимую пьесу, представляя, какъ она будетъ выглядѣть на сценѣ.

— А что, они заплатятъ что-нибудь?.. — спросила Софья Алексѣевна.

— Конечно... — разсѣянно отвѣчалъ онъ. — Конечно...

— А договорился, сколько?.. — снова спросила она, принимая блюдо отъ неопрятной и грубоватой Степаниды. — Ну, вотъ, такъ я и знала: «пока нѣтъ»!.. Съ ними надо всегда контракты подписывать и какъ слѣ-

дуетъ, со всякими тамъ неустойками... Эти антрепренеры народъ шустрый, — не даромъ ихъ во всѣхъ журналахъ высмѣиваютъ : заберетъ чужія денежки, и будь здоровъ...

— Да вѣдь это Новый театръ!.. — не безъ гордости замѣтилъ Иванъ Константиновичъ.

— Все равно. Въ твои годы со всѣми надо быть осторожнымъ. Всякій свою выгоду соблюдаетъ... Кабы былъ ты попрактичнѣе, не сидѣли бы мы въ этой проклятой дырѣ. Вонъ, посмотри, какими дѣлами Горькій воруется... Сердцемъ пия не сшибешь, — угождать надо...

II.

Иванъ Константиновичъ самъ зажегъ свою старую, такую ему привычную лампу, самъ сходилъ себѣ за чаемъ и, доставъ изъ стола папиросы получше, усѣлся поуютнѣе въ свое кресло и взялся за чтеніе пьесы. Въ окно смотрѣла звѣздами черно-бархатная и стеклянно-звонкая ночь, на разныя голоса и тоны перелаивались на деревнѣ собаки, а предъ отопрѣв-

шимся, воскресшимъ Иванъ Констан-
тиновичемъ проходили тихо наряд-
ныя, полныя внутренней музыки кар-
тины созданной имъ жизни, его пье-
сы. Онъ снова переживалъ тѣ сладко-
мучительныя волненія, которыя испы-
тываетъ творецъ-артистъ, и въ осіян-
ной душѣ его было горделивое, торже-
ствующее чувство: да, это онъ соз-
далъ, это его! И изрѣдка, осторожно,
послѣ долгаго раздумья вносилъ онъ
небольшія поправки въ эти знако-
мыя, дорогія, но уже пожелтѣвшія на
полкѣ страницы..

И, охваченный глубокимъ волне-
ніемъ, съ гордой увѣренностью, что
созданное имъ прекрасно, онъ отки-
нулся на спинку кресла. Онъ мечта-
тельно курилъ и — вдругъ замѣтилъ,
что въ душѣ его пьеса какъ бы про-
должалась, вставляли какія-то новыя
но тѣсно съ ней связанныя картины,
что оживало въ душѣ его прошлое и
тѣ дни, что предшествовали созданію
пьесы, и тѣ, что слѣдовали потомъ
за ней. И изъ тумановъ прошлаго,
весь сіяя, всталъ нѣжный и тонкій об-
разъ молодой, прекрасной женщины,

которую онъ такъ горячо любилъ тогда. Галя — о, сколько было заключено для него тогда въ этихъ четырехъ буквяхъ!..

Она была совсѣмъ молоденькой оперной артисткой и, когда Иванъ Константиновичъ услышалъ ее впервые въ «Онѣгинѣ» — она пѣла Татьяну, — онъ сразу упалъ всей восторженной душой къ ея ногамъ, боготворя прекрасную... И онъ добился личнаго знакомства съ ней, но, неувѣренный въ себѣ, неловкій, онъ не обратилъ на себя ея вниманія. Не то, что она была пуста или холодна, — совсѣмъ напротивъ: эта изящная головка умѣла думать и понимать, это сердце умѣло чувствовать, но она была просто ошьянсна тѣмъ блестящимъ успѣхомъ, что сразу выпала ей на долю, пьяна жизнью...

И, не смѣя и дохнуть ей о своей любви, Иванъ Константиновичъ не пропускалъ ни одного спектакля, гдѣ она выступала. И точно какимъ-то волшебствомъ, пробуя свои молодые силы, прекрасная женщина превращалась изъ одной блестящей форм

въ другую: то, очарованная, съ широко открытыми глазами она слушала средь горъ Кавказкихъ рѣчи демона-искусителя, то въ осеребренномъ лунной саду пѣла она вѣчно-прекрасный дуэтъ любви съ Фаустомъ, то древняя Русь, то прекрасная Италія, то средневѣковый замокъ были богатой рамой для ея красоты и прекраснаго таланта, но ни въ чемъ не была она такъ мучительно-хороша, какъ въ Татьянѣ, гдѣ каждая мелочь, каждый штришокъ захватывалъ и умилялъ слушателей. «*Пастухъ играетъ...* А я то, я то!... — тоскуя, музыкально скажетъ она своимъ серебристымъ голосомъ, и отъ совсѣмъ простыхъ словъ этихъ морозъ восторга пробѣгалъ по всему залу, и горячимъ туманомъ слезъ заволакивало глаза Ивана Константиновича, пившаго каждый звукъ ея, каждое движеніе...

Онъ уже былъ женатъ тогда на этой хорошенькой куколкѣ, Софьѣ Алексѣевнѣ, которая, однако, уже перестала притворяться, какъ раньше, до свадьбы, народницей и сочувственницей, и боязливо пряталъ онъ въ

боковомъ карманѣ портретъ Гали — такъ звалъ онъ ее втайнѣ, — въ костюмѣ Татьяны. Портретъ былъ холоденъ, портретъ не передавалъ и тысячной доли прелести, очарованія ея, и это было мучительно, но это было единственное средство постоянно чувствовать ее около себя, близко, близко. И, когда онъ бывалъ одинъ, онъ вынималъ этотъ портретъ и мысленно молился ей, восторженно, надрывно, безнадежно...

И вспоминалась та замороженная зимняя ночь, когда онъ, задыхаясь и ничего не видя отъ счастья, провожалъ ее домой съ одной вечеринки. Онъ забылъ жену, забылъ ребенка, забылъ все, — онъ помнилъ только, что вотъ она здѣсь, близко, что-то говорить, смѣется... И вотъ онъ — онъ не могъ и самъ понять, какъ онъ рѣшился на такое святотатство! — вдругъ, хриплымъ голосомъ, обрываясь, заговорилъ о томъ, что онъ весь ея, что онъ со счастьемъ умереть для нея, что не хочетъ онъ отъ нея рѣшительно ничего, — только, чтобы знала она, какъ онъ боготворить ее...

И она, испуганно, какъ будто посмотри́въ на него съ боку, молча зарылась лицомъ въ теплую, душистую муфту и, лишь когда вскорѣ подошли они къ ея дому, она отняла муфту и посмотре́ла на него долгимъ взглядомъ своихъ удивительныхъ, бархатныхъ глазъ. И было въ этихъ глазахъ что-то новое, — онъ не понималъ, что... А это было любопытство, изумленіе, вопросъ: то, что слышала она въ немъ, это ослѣпительное, всепоглощающее, она чувствовала и въ себѣ; но — для другого, не для него. И въ страстной музыкѣ его души она ловила мятежные шквалы души своей, и сравнивала безсознательно, и трепетала передъ этими огнями страсти... И наконецъ сказала тихо:

— Простите меня... И — забудьте...
И ушла...

Но онъ все же торжествовалъ: она знаетъ, знаетъ, знаетъ теперь все, а это самое главное! Но немного часовъ въ эту безсонную, сумасшедшую ночь было нужно ему, чтобы убѣдиться, что не это самое главное,

что это только преддверіе храма, что нужна она ему, какъ воздухъ, что все онъ отдастъ, чтобы быть около нея, видѣть ее, повиноваться ей рабомъ безотвѣтнымъ. Но теперь это было труднѣе — она опредѣленно избѣгала его, сторонилась, лишь издали, мимолетными взглядами пытая его душу о сжигающемъ ее пожарѣ. Но скоро и это кончилось: она вся утонула въ блаженствѣ первой и раздѣленной любви и унеслась съ избранникомъ своимъ куда-то на лазурный моря...

Онъ не могъ стерпѣть муки своей. Ему хотѣлось хоть просто прокричать ей вдаль, какъ онъ здѣсь страдаетъ, какъ плачетъ, какъ любить, и вотъ онъ написалъ ей то, единственное письмо.

Иванъ Константиновичъ нагнулся и, порывшись въ самомъ нижнемъ ящикѣ слѣва, досталъ изъ старой папки этотъ пожелтѣвшій конвертъ, въ которомъ вернулось къ нему изъ далекой страны сю даже нераспечатанное письмо. Онъ такъ и сберегъ его нераспечатаннымъ. А теперь, въ

день своего воскресенія къ живни, съ бьющимся сердцемъ онъ острожно — точно онъ гробницу какую вскрывалъ, — взрѣвалъ конвертъ ножичкомъ и вынулъ эти слежавшіеся, желтые по сгибамъ листки. Сперва въ этихъ безумныхъ, лихорадочныхъ строчкахъ онъ не узнавалъ себя, своего нисколько, но потомъ, вчитавшись, онъ далъ околдовать себя этому горячему потоку словъ любви, отчаянія, восторга, надеждъ, муки нестерпимой, онъ точно самъ сталъ перерождаться, снова уходя въ то далекое время, и сердце страдало почти какъ тогда...

Онъ кончилъ и опустилъ пожелтѣвшіе листки на столъ... И былъ онъ весь смута. Совсѣмъ чужой человѣкъ нѣсколькими неожиданными словами воскресилъ его къ жизни, но изъ могилы встало какое-то новое, странное существо, въ которомъ теперешній Иванъ Константиновичъ странно смѣшивался съ тѣмъ Иваномъ Константиновичемъ, который такъ безумно любилъ чаровницу Галю-Татьяну, который такъ страдалъ тогда,

который написал потомъ свою «Пѣсню пѣсней», и оба эти человѣка хотѣли жить, оба отнимали эту одну жизнь одинъ у другого. Конечно, вотъ этотъ, теперешній Иванъ Константиновичъ — главное, но какъ же быть тогда съ тѣмъ? Неужели же то въ самомъ дѣлѣ кончено навсегда? Вѣдь, если то кончено, то — Иванъ Константиновичъ печально затуманился... — то и воскресать, въ сущности, было незачѣмъ...

Но, вѣроятно, это было лишь мимолетнымъ настроеніемъ весенней ночи, когда въ окно смотрѣли поблѣднѣвшія серебряныя звѣзды, а потомъ за черной путаницей сада проступила золотисто-зеленая зорька, и яростно били крыльями и кричали пѣтухи, и томила жажда новой жизни черная въ робкомъ сіяніи утра весенняя земля... И вдругъ въ смятенной душѣ уже уставшаго немного отъ жизни человѣка нѣжно и серебристо, чуть слышно, точно вдали, пропѣло:

Пастухъ играетъ!.. а я-то, я-то!..
И схватилъ онъ себя за сѣдѣющую уже голову, и такъ стоялъ долго, долго...

III.

Незадолго до открытія сезона Ивана Константиновича свалила тяжелая болѣзнь, которая, однако, разрѣшилась благополучно. Имѣя теперь болѣе свободныя средства, онъ отдыхалъ послѣ болѣзни въ прекрасной санаторіи недалеко отъ Москвы. Аркадій Федоровичъ, съ которымъ онъ очень сдружился, то и дѣло прилеталъ къ нему на автомобилѣ, настаивая, чтобы хоть къ первому представленію онъ былъ испремѣнно на ногахъ.

— Это будетъ взрывъ бомбы, я вамъ говорю... — повторялъ онъ, довольный. — Повѣрьте старому театральному волку...

— Ну, какая же тамъ бомба? — говорилъ слабый еще Иванъ Константиновичъ. — Пьеса тихая, нѣжная...

— Вотъ увидите, что она надѣлаетъ, ваша тихая и нѣжная!.. А артистка въ главной роли — истинный перлъ!

Ивану Константиновичу очень хотѣлось посмотреть хоть одну репетицію.

— Да не беспокойтесь, не беспокойтесь!... — смѣялся Аркадій Федоровичъ. — Ничего упущено не будетъ. Ребятки мои за лѣто отдохнули, освѣжились, съигрались въ вашей вещи на рѣдкость. Одно слово: удивимы! Только вы не волнуйтесь, больше гуляйте, а на премьеру я васъ обязательно повезу...

Насталъ и желанный день. Значительно окрѣпшій, Иванъ Константиновичъ подстригся, пріодѣлся и точно помолодѣлъ на десять лѣтъ. И смѣшно было ему это сего молодое волненіе, когда онъ сидѣлъ въ тѣни директорской ложи, а сзади возбужденно гудѣлъ залитый свѣтомъ и переполненный зрителями валъ, и ничего онъ подѣлать съ собой не могъ... И вотъ поднялся занавѣсъ. Иванъ Константиновичъ радостно увидѣлъ свои прекрасные образы воплощенными въ жизни и остолбенѣлъ: на оценѣ, въ главной роли, была — Галя, та самая Галл, которая нѣкогда вписала въ книгу его жизни такую яркую страницу и на-вѣки ушла! Та же прелестная головка, та же му-

зыка въ каждомъ движеніи, тотъ-же нѣжно-серебристый голосъ... Онъ такъ взволновался, что едва могъ видѣть пьесу, что была создана однимъ вихревымъ порывомъ вкорѣ послѣ ухода Гали и вся была полна отзвуками только-что пережитой бурной молодой грозы. И вотъ въ ней-то и воскресла Галя, подлинная Галя. . Точно колдовство это было какое, точно какой-то бредъ...

— Скажите, вы не знаете, кто эта молодая артистка? — тихо спросилъ онъ сидѣвшаго тутъ же толстяка, знаменитаго и рѣдко выступавшаго теперь артиста Печерина.

— Дебютантка, Муравлина.... — басомъ отвѣчалъ тотъ. — Большую смѣлость нужно было, чтобы довѣрить такую роль молоденькой дебютанткѣ, но Аркадій Федоровичъ и тутъ оказался правъ. Что за нюхъ у этого человѣка!...

Тутъ занавѣсъ тихо опустился, и въ теплой пахучей залѣ поднялся оглушительный, какъ показалось Ивану Константиновичу, шумъ аплодисментовъ и рѣдкіе крики: «автора!».

Взволнованный и счастливый, как побѣдитель, прибѣжалъ Аркадій Федоровичъ.

— Что? Я говорилъ... Это очень рѣдко бываетъ, эти вызовы съ перваго же акта... Идите!...

— Куда?

— Какъ куда? На сцену, къ публикѣ... Слышите?...

— Ни за что не пойду! Вотъ чепуха. .

— Да будетъ вамъ!... Словно ребеночекъ... Идемте!...

И вотъ онъ тащитъ Ивана Константиновича какимъ-то лабиринтомъ, и тотъ спотыкается, и провожаютъ его уважительно глазами совсѣмъ чужіе люди, и, наконецъ, свѣтъ зала и рукоплесканія толпы бьютъ ему горячей волной въ лицо, и онъ кланяется еще и еще... Голова его пьяно кружилась, въ сердцѣ было радостно отъ восторжествовавшаго труда, и новая, широкая, волнующая жизнь звала его куда-то въ свои заманчивыя и теперь еще дали... И, когда онъ шелъ тѣснымъ отъ публики корридормъ къ своей ложѣ,

ему кого-то представляли, и его благодарили, и онъ благодарилъ и жалъ кому-то руки, но, когда снова раздвинулся среди торжественнаго молчанія занавѣсъ, онъ сказалъ себѣ:

— Нѣтъ, это невозможно!... Я почти ничего не вижу и не понимаю... Надо взять себя въ руки!

Онъ сталъ немного спокойнѣе, слѣдилъ умиленной душой за ходомъ своей пьесы, любовался молодой прелестью Муравлиной, такъ разительно похожей на Галю, и снова въ концѣ акта долженъ былъ идти съ Аркадіемъ Федоровичемъ на сцену и безъ конца раскланиваться передъ взволнованной, благодарной, рукоплещущей толпой.

— Ну, что? Можно было вамъ не посѣщать репетиціи? Довольны? — Ага, то-жо!... Да, — спохватился онъ, — тутъ одна ваша старая знакомая просить разрѣшенія пожать вашу руку... А, вотъ и она!...

— Не узнаете?

Передъ Иваномъ Константиновичемъ, улыбаясь, среди причудливаго нагроможденія кулисъ, стояла высо-

кая, полная дама со слѣдами былой красоты на увядающемъ и спокойномъ лицѣ.

— Простите!... — пробормоталъ Иванъ Константиновичъ. — Напоминаетъ... что-то... но ради Бога, извините... — все болѣе и болѣе смущался онъ, и вдругъ точно что осіяло его, и онъ воскликнулъ: — Да не можетъ быть!... Вы?!... Евгенія Александровна?!...

То была та, прежняя, подлинная Галя!

Она, улыбаясь сквозь слезы, протянула ему обѣ руки, и онъ въ смятеніи склонился надъ ними и поцѣловалъ ихъ долгимъ поцѣлуемъ...

— Сколько воды утекло... — тихо сказала она. — Но какъ я рада за васъ...

И онъ благодарно и съ грустью смотрѣлъ въ это ласковое, увядающее лицо, и душа его вала съ отчаяніемъ въ пустоту пролетѣвшихъ годовъ: Галя!... Галя!... И вдругъ, сзади Евгеніи Александровны, на сѣромъ фонѣ какой-то декораціи встало свѣтлое и ласковое видѣніе прежней,

молодой Гали. И своимъ особеннымъ, серебристымъ голосомъ она сказала:

— Но ты совсѣмъ забыла обо мнѣ, мамочка!...

Евгенія Александровна обернулась.

— Ну, вотъ, Иванъ Константиновичъ, прошу любить и жаловать: моя дочь и героиня вашей пьесы... Надѣюсь, что вы довольны ей?

— Безконечно, безконечно!... — воскликнулъ, крѣпко пожимая руки артистки, Иванъ Константиновичъ. — Но, Боже мой, какое сходство!... Совсѣмъ, какъ вы... тогда... въ Татьянѣ...

— Да, Маруся очень похожа на меня... — немного грустно сказала Евгенія Александровна. — И тоже вотъ артистка. Хотя и голосъ есть у нея, а въ оперу идти не захотѣла: они, молодые, считаютъ всѣхъ насъ какими-то вампуками и ищутъ новыхъ путей... Ну, что-же, съ Богомъ!... Ну, однако, васъ надо отпустить... — прервала она себя, указывая на группу какихъ то господъ, почтительно стоявшую въ нѣкоторомъ отдаленіи. — Вѣроятно, почитатели все... А

завтра обѣдать къ намъ. Постороннихъ никого не будетъ... Хорошо?

— Боже мой, да, конечно, хорошо!... Вы не можете себѣ представить, какъ я сегодня счастливъ!...

— И я такъ рада, такъ рада!...

Возбужденный, все куда-то устремляющійся Аркадій Федоровичъ по-манилъ издали Марусю, и она, прелестно улыбнувшись, кивнула Ивану Константиновичу головкой и исчезла за кулисами... Евгенія Александровна, прощаясь, тихонько, съ грустной улыбкой сказала:

— А старое... прощено и забыто?

— Прощать было нечего... — тихо отвѣчалъ Иванъ Константиновичъ. — А забыто... нѣтъ, не забыто...

И онъ, поклонившись, торопливо отошелъ къ кучкѣ закулисныхъ посѣтителей, съ какой-то жадностью ожидавшей его. И они кланялись ему, и представляли ему одинъ другого, и куда-то его приглашали, и были всѣ точно именинники... И только короткій, повелительный звонокъ гдѣ-то за этимъ столпотвореніемъ кули

прекратилъ этотъ пріятный, но все же немного утомительный сумбуръ...

А въ переполненную его ложу явилась съ какимъ-то толстымъ инженеромъ дочь, Саша, развязная, напудренная, въ крупныхъ брилліантахъ, и усиленно афишировала свою близость къ Ивану Константиновичу, висла у него на рукѣ, звала его «папкой» и все повторяла въ глупомъ изумленіи: « нѣтъ, каково?... И кто бы могъ думать?!.. » Ея присутствіе было очень тяжело Ивану Константиновичу... Софья Алексѣевна хотя ни на что не претендовала и скромно сидѣла въ отведенной ей ложѣ вмѣстѣ съ Владиміромъ, сыномъ, который держался иронически и былъ, видимо, на счетъ всего происходящаго при какомъ-то особомъ мнѣніи...

Иванъ Константиновичъ съ волненіемъ ждалъ третьяго акта, который и онъ, и Аркадій Федоровичъ считали сердцемъ пьесы. И, когда онъ начался, Иванъ Константиновичъ, глядя на сцену, не могъ рѣшить : его ли сила бьетъ такъ оттуда по сердцамъ или это очарованіе Маруси, которая

съ такой тонкостью, съ такимъ подъемомъ, съ такой силой вела эту сцену? О ней нельзя было сказать, что она талантливо или геніально играть, все дѣло въ томъ и было, что она не играла никакъ, ни плохо, ни хорошо, а просто жила подлинной, естественной жизнью и не давала въ этой подлинной, волнующей жизни ни одной не только фальшивой, но даже подозрительной нотки...

И что была побѣда первыхъ двухъ актовъ въ сравненіи съ той бурей восторга, которая разразилась послѣ третьяго акта!... И среди восторженнаго тумана рукоплещущаго зала слышались только два имени: автора и Муравлину! И, когда Иванъ Константиновичъ прошелъ мимо восторженно привѣтствовавшей его за кулисами труппы, Аркадій Федоровичъ, строгій, точно жрецъ, молча и повелительно указалъ ему на поджидавшую его Марусю, серьезную и блѣдную. И онъ взялъ ее за руку, и они вышли на авансцену и стояли тамъ, даже уже не кланяясь почти, среди торжества огней, надъ восторженн

ревущей валой. И откуда-то появились душистые, такіе упоительно-свѣжіе цвѣты, — и на рукахъ, и у ногъ, и вокругъ, масса, масса... — и крики и рукоплесканія еще болѣе усилились... И Иванъ Константиновичъ почувствовалъ крѣпкое, благодарное пожатіе маленькой, трепещущей ручки и, блѣдный, обернулся, чтобъ сказать Марусѣ что-то, но сказать ничего не могъ — судорога сдавило горло, — и только смотрѣлъ на прелестную молодую женщину, стоявшую рядомъ съ нимъ среди огневой бури славы, и странное и бурное свершалось что-то въ душѣ поэта съ чуть посѣдѣвшими висками: въ лицѣ этой женщины уже окончательно, уже все цѣликомъ воскресло живо, во плоти его прошлое, реально, живо воскресла его душа въ этой народной, почти забытой и вдругъ такъ ярко снова вставшей сказкѣ-пьесѣ, созданной имъ тогда, а рядомъ съ нею, этой такъ несомнѣнно ожившей молодостью, стоялъ онъ, теперешній, настоящій, почти конченный. И боролись въ душѣ его въ ярой схваткѣ без-

мѣрная радость воскресенія и извѣчная печаль человѣческая о томъ, что все уходитъ...

А театръ рукоплескалъ, и побѣдно сіяли огни, и благоухали прекрасные цвѣты и на рукахъ, и у ногъ, и всюду, и чуть трепетала въ его рукѣ маленькая, теплая, нѣжная ручка... А когда онъ пошелъ въ ложу къ себѣ, за кулисами остановила его Евгенія Александровна.

— Это вы написали... тогда? — тихо спросила она, волнуясь.

— Да... — отвѣчалъ онъ съ сіяющими глазами.

Евгенія Александровна, молча, печально поникла головой...

IV.

И странное продолжалось: одновременно жизнь и пьянила его своими прекрасными дурманами, и достаточно былъ онъ уменъ, чтобы понимать, что невозможное — невозможно; и отъ того, что невозможное — невозможно, болѣла его душа тоскою извѣчной. На тихомъ хуторѣ ему жить было уже невозможно; тысячи нитей свя-

звали его теперь съ жизнью, и ежеминутно люди звали его. Онъ перѣхалъ въ Москву и занялъ приличную квартирку. Расцвѣтшая Софья Алексѣевна все хлопотала и тревожилась, какъ бы кто изъ этихъ ловкачей не обсчиталъ его, неумѣло совала носъ во всѣ его дѣла, и большихъ усилій стоило ему удерживать ее хотя въ нѣкоторомъ отдаленіи. Дочь усиленно вертѣлась около него и, какъ говорили, его портретами и книгами завалила всю свою пріемную и рѣзко подняла таксу, сынъ ходилъ вокругъ, иронически ухмылялся и просилъ денегъ, разные люди выбирали его почетнымъ членомъ куда-то, звали на вечера, на обѣды, просили у него портретовъ, автографовъ, интервью...

Мѣсяца черезъ три послѣ премьеры его « Пѣсни пѣсней », на которую и до сихъ поръ нельзя было достать билета, уже готовилась къ постановкѣ другая его старая пьеса « Женны »... И, вдругъ, въ одномъ почтенномъ ежемѣсячникѣ знаменитый критикъ помѣстилъ большую статью о

немъ, въ которой, властно заявивъ, что политическіе взгляды большого художника никакъ не могутъ вліять на насъ при оцѣнкѣ его чисто художественныхъ произведеній, далъ восторженный обзоръ всей литературной дѣятельности Ивана Константиновича. Другіе органы періодической печати подхватили хвалу, и все, что раньше замалчивалось, все, что раньше безстыдно заушалось, вдругъ процвѣло какою-то для всѣхъ новой, неожиданной красотой. Молодость продолжала волшебю оживать въ пышномъ, почти сказочномъ цвѣтеніи...

Въ передней раздался увѣренный звонокъ, и черезъ нѣсколько мгновеній въ дверь кабинета просунулось глуповатое отъ волненія лицо Софьи Алексѣевны.

— Сухатовъ пріѣхалъ!.. — съ ужасомъ прошептала она. — Хочетъ тебя видѣть...

— Попроси сюда...

— Если тамъ на счетъ дѣла какого, будь остороженъ: лисица!.. — поспѣшно бросила она шопотомъ.

— Ахъ, да оставь, пожалуйста...

Черезъ минуту, съ блестящимъ цилиндромъ въ рукѣ, въ дверь входилъ съ привычной важностью одинъ изъ самыхъ крупныхъ издателей, Сухатовъ, высокій и величавый старикъ, съ бритымъ, какимъ-то генеральскимъ лицомъ, въ черномъ корректномъ сюртукѣ.

— Не побеспокоилъ ли я васъ не во время, батюшка, Иванъ Константиновичъ? — еще отъ двери заговорилъ онъ своимъ сочнымъ баскомъ. — Если такъ, простите великодушно... Давно жаждалъ случая познакомиться съ вами... Имѣю честь кланяться... Какъ поживаете?... Ну, слава Богу, слава Богу!

Онъ удобно усѣлся около большого стола Ивана Константиновича, попросилъ разрѣшенія побаловаться сигаркой и, поговоривъ, сколько требовалось приличіемъ, о вещахъ постороннихъ, сказалъ:

— А вѣдь я къ вамъ по дѣлу, батюшка, Иванъ Константиновичъ... Выручайте старика!

— Радъ служить. Чѣмъ могу помочь?

— Да вотъ, какъ вы, конечно, знаете, каждый годъ даю я къ своей « Родной Нивѣ » въ приложеніи собранія сочиненій нашихъ лучшихъ писателей... — началъ старикъ степенно. — Я далъ уже почти все, что было покрупнѣе, литературная сокровищница наша замѣтно для меня начинается уже изсякать... Теперь вотъ для будущаго года вся надежда только на васъ. Поддержите наше дѣло, украсьте его и вашимъ именемъ... Вѣдь аудиторія какая у васъ будетъ— почти двѣсти тысячъ подписчиковъ, вѣдь!

Старый издатель превосходно зналъ, что его предложеніе не только очень выгодно для Ивана Константиновича, но и очень лестно, но, по заведенной имъ привычкѣ, принималъ видъ просителя : надо же побаловать писателя...

— Я, конечно, съ большимъ удовольствіемъ... — отвѣчалъ Иванъ Константиновичъ. — Я какъ разъ подумывалъ приступить къ изданію собранія сочиненій : за сорокъ перевалило — время подводитъ итоги...

— И великолѣпно!.. И великолѣпно!.. Благо есть чему подводить итоги. На счетъ объема собранія вы какъ полагаете?

Иванъ Константиновичъ тутъ же подсчиталъ, какъ это будетъ выглядѣть. Ловкій старикъ будто что въ умѣ прикинулъ...

— Такъ, такъ... Именно такъ я и думалъ... — говорилъ онъ. — Ну, такъ и давайте ближе къ дѣлу. Условія наши обыкновенно вотъ какія...

Онъ изложилъ условія, подсчиталъ, что это будетъ въ цифрахъ — ни о чемъ подобномъ Иванъ Константиновичъ никогда и не думалъ.

— Такъ вотъ-съ... — заключилъ онъ. — Только объ одномъ прошу васъ, глубокоуважаемый Иванъ Константиновичъ: отбросьте всякое — вполне естественное, однако, въ дѣлахъ — недовѣріе и положитесь на меня. Все прошлое ручается, надѣюсь, за порядочность нашей фирмы. Я знаю, какъ и что надо дѣлать, а вѣдь вы художники всѣ немножко... того... — онъ выразительно повертѣлъ пальцами какъ-то къ карнизу,—

всѣ въ облакахъ... Такъ ужъ я самъ буду опекуномъ у васъ...

Онъ, дѣйствительно, не жалъ писателей, но умѣлъ и самъ хорошо заработать на нихъ и разъ навсегда усвоилъ съ ними этотъ тонъ добраго папаши, покровителя. Впрочемъ, нѣкоторые новые писатели весьма колебали его въ его представленіи о нихъ, какъ о какихъ-то заоблачныхъ мечтателяхъ; это были, по его словамъ, такіе выжиги, что только держись!..

— Да-съ... — продолжалъ онъ. — И такъ какъ всѣ вы, господа писатели, живете всегда, какъ птицы небесныя, то изъ той суммы, что мы приблизительно установили, я могъ бы, если вамъ угодно, теперь же, до подписанія договора, вручить вамъ нѣкоторый вадаточекъ : можетъ, имѣннице въ Финляндіи купите или дачу гдѣ въ Крыму. Большая охота на все это стала у г. г. писателей появляться...

И солидно отпечатанный чекъ очень солиднаго банка на весьма солидную сумму былъ тутъ же подписанъ статрикомъ.

— Ну, вотъ и слава Богу... — вручая его Ивану Константиновичу, проговорилъ онъ. — Благодарю васъ за довѣріе къ намъ и за поддержку дѣла. Большое, большое вамъ спасибо... А это, что же, васъ изобразили? — спросилъ онъ, взявъ въ руки послѣдній номеръ бойкаго еженедѣльника, который лежалъ на столѣ и гдѣ на первой страницѣ перомъ извѣстнаго талантливаго художника былъ набросанъ портретъ-шаржъ Ивана Константиновича. — Хорошо... Очень хорошо...

— Очень! — не могъ не согласиться Иванъ Константиновичъ, котораго однако въ первую минуту рисунокъ этотъ немножко вадѣлъ, главнымъ образомъ тѣмъ, что въ немъ какъ въ зеркалѣ, онъ увидѣлъ, что сдѣлали съ нимъ года. — Очень мѣтко схвачено...

— Талантливое перо!... — сказалъ гость и взялъ за шляпу. — Ну, такъ вотъ-съ... Значить, на дняхъ, когда вамъ будетъ удобнѣе, вы телефонируете намъ, и я съ управляющимъ пришлю вамъ готовый договоръ къ

подписи... А тамъ соберемся какъ-нибудь и пообѣдаемъ: нельзя, надо вспрыснуть... Хе-хе-хе...

— Хорошо... Отлично...

Сухатовъ вышелъ. Иванъ Константиновичъ проводилъ его въ переднюю, помогъ ему, несмотря на его протесты, одѣться, а потомъ, послѣ обмѣна на прощанье многими любезностями, старикъ вышелъ, а Иванъ Константиновичъ возвратился къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ уже была Софья Алексѣевна: она, конечно, все уже слышала изъ-за двери, была въ восторгѣ и теперь съ почтеніемъ разсматривала чекъ.

— Только скорѣе надо договоръ подписать... — сказала она. — А то еще умреть или возьметъ да передумаетъ — мало-ли что можетъ быть? А взялъ свое—и спокоенъ...

Иванъ Константиновичъ молча смотрѣлъ въ окно, какъ отъѣзжалъ солидный, дорогой автомобиль Сухатова. Увидавъ его въ окнѣ, старикъ снялъ свой блестящій цилиндръ и почтительно раскланялся еще разъ. И провожавшій его домовый швей-

царь проникся къ Ивану Константиновичу еще большимъ, чѣмъ прежде, уваженіемъ, а онъ и такъ очень уважалъ его за то, что про него пишутъ въ газетахъ, а въ магазинахъ онъ видалъ его портреты.

— И, говорятъ, надо купить бакинскихъ... — сказала Софья Алексѣевна. — А то вотъ еще Саша говорила, шеры какіе-то еще есть...

— Ахъ, да будетъ тебѣ, Соня!.. — съ неудовольствіемъ отозвался онъ. — Что ты все тревожишься? Вѣдь, хватаетъ же теперь на все...

— Что же свое-то упускать? — сказала она, осторожно кладя чекъ на столъ. — Годится...

Не въ первый разъ за послѣдніе годы мелькнула у Ивана Константиновича мысль уйти отъ жены, которая прямо душила его. Теперь, при свободныхъ средствахъ, сдѣлать это было совсѣмъ не трудно, хотя бы подъ видомъ путешествія какого-нибудь. Софья Алексѣевна замѣтила, что мужъ нахмурился, и, не говоря ни слова, вышла: теперь она уважала, цѣнила его и возражать боялась...

Иванъ Константиновичъ взялъ чекъ, полюбовался его округленной цифрой и заперъ въ столъ. Онъ могъ бы быть доволенъ теперь. Старость обезпечена, беспокоиться не о чемъ, послѣдніе годы можно прожить спокойно и съ удовольствіемъ... Но что то точно царапало его по сердцу. Онъ нахмурился, стараясь вспомнить, что это такъ тревожитъ его...

— Ахъ, да, этотъ портретъ... — съ неудовольствіемъ вспомнилъ онъ и, снова взявъ со стола журналъ, еще и еще вглядѣлся въ свое, мѣтко схваченное, съ подчеркиваніемъ наиболѣе характерныхъ чертъ, изображеніе: и этотъ крупный носъ, и кустистыя брови и, въ особенности, эта жирная складка шеи сзади, на воротникѣ. — Да не можетъ быть, что-бы все это было такъ подчеркнуто и въ дѣйствительности!..

Онъ подошелъ къ зеркалу, — оттуда какъ-то испуганно-вопросительно глянуло на него увядающее лицо... И сейчасъ же тихая горечь разлилась по немъ... Его очень молодили и сшитый хорошимъ портнымъ

костюмъ, и приличная прическа въ сравненіи съ тѣмъ временемъ, когда онъ, забытый и опустившійся, жилъ на своемъ хуторѣ, но, Боже, какъ все же несомнѣнно одно: для него пестрая сказка жизни кончена — все, что ему осталось, это тихое увяданье и — конецъ.

И горькая иронія надъ собой ядовито залила его душу: вотъ у ногъ его слава, богатство, восхищенные взгляды женщинъ, почтительное признаніе его превосходства со стороны мужчинъ, но на что, на что ему все это?! И вѣдь торжествуетъ какъ разъ то, что было создано имъ еще въ молодости — о, если бы это было признано тогда! Сколько блестящихъ возможностей упущено, какъ могла бы быть пестра и богата и широка вся его жизнь! Да и — кто знаетъ! — если бы тогда подошелъ онъ къ Галѣ въ ореолѣ всего этого успѣха, можетъ быть, не тотъ, другой, а онъ былъ бы ея избранникомъ? Какой капризъ судьбы, какая иронія, какая непоправимая катастрофа!..

И всталъ въ душѣ его прелестный

образъ прежней Гали, который не-
удержимо сливался теперь съ обра-
зомъ Маруши въ одно, и снова въ
душѣ смѣшался восторгъ ихъ безпре-
дѣльнаго обаянія и неистребимая
горечь безвозвратности свершивша-
гося... Онъ часто, почти каждый
день, бывалъ теперь у нихъ, и какъ
ласкова, какъ мила была съ нимъ
всегда Маруся!

И его опять потянуло къ нимъ,
хотя въ глубинѣ души и было ему
точно стыдно чего-то... Маруся, вѣ-
роятно, собирается въ театръ... Но
онъ посидитъ вечеръ съ Евгеніей
Александровной, а потомъ пріѣдетъ
Маруся, они будутъ пить вмѣстѣ чай,
а потомъ онъ, повѣсивъ голову, пой-
детъ къ себѣ домой, одинъ...

Онъ взялъ шляпу и вышелъ въ кор-
ридоръ. Изъ столовой слышался го-
лосъ жены и громкій, дѣланный смѣхъ
Саши. Онъ поморщился, тихонько
одѣлся и вышелъ...

V.

Испытывая, какъ всегда, какое-то
волненіе и какъ будто немножко

стыдъ — « точно нищій-попрошайка... », мелькнуло у него въ головѣ... — онъ позвонилъ у знакомой двери. Щелкнулъ замокъ, и предъ нимъ была Маруся. Она ласково улыбнулась и какъ будто слегка зарумянилась.

— Ахъ, какъ я рада!.. — пропустивъ его, сказала она своимъ сербистымъ голосомъ. — Мамы дома нѣтъ, а Настю я отпустила погулять... Вотъ чудесно проведемъ мы съ вами вечеръ!

— А театръ? — довольный, сказалъ онъ.

— Мнѣ немножко нездоровится... или, можетъ быть, вѣрнѣе, хандрится... — сказала Маруся. — И я телефонировала, что я сегодня не буду. Ну, идемте...

Они вошли въ красивую гостинную. По стѣнамъ и на столахъ и всюду, какъ это всегда бываетъ у артистовъ, виднѣлась масса фотографій съ автографами. На особомъ столикѣ въ дорогой рамѣ стоялъ портретъ Ивана Константиновича. Рояль былъ раскрытъ, и ярко бѣлѣли страницы нотъ, освѣщенные зажженными свѣчами.

— Я немножко пѣла... — сказала Маруся, потушивъ свѣчи и садясь. — Я всегда пою, когда немножко не по себѣ...

— Да отчего же можетъ быть вамъ не по себѣ? — сказалъ он, садясь подальше отъ нея, въ сумракъ. — Молодая, красавица, талантъ, сразу блестящій успѣхъ, и вся жизнь впереди. Для васъ жизнь — праздникъ. Это вотъ намъ, старикамъ...

— Вотъ терпѣть не могу, когда вы напускаете на себя это старческое... дребезжаніе! — нетерпѣливо воскликнула она и сама улыбнулась на свое словечко. — Кокетничайте всюду, гдѣ вамъ угодно, вашими «маститыми сѣдинами», только не со мной! Не всѣмъ нравятся телята — они очень молоды, но телята. Если бы вы жены не были, я сама съ удовольствіемъ пошла бы за васъ замужъ!.. — сказала она съ какою-то особенной развязностью и нервно разсмѣялась.

Онъ сперва отвѣтилъ молчаніемъ, а потомъ, подавивъ вздохъ, тихо и печально, точно глубоко раненый, проговорилъ :

— Не шутите... этимъ...

— Я нисколько не шучу!.. — воскликнула она и вдругъ опять разсмѣялась какимъ-то больнымъ смѣхомъ. — Я не знаю, что сегодня со мной дѣлается!.. Нѣтъ, я лучше буду пѣть вамъ... Хотите?

— Пожалуйста! — тихо отвѣчалъ онъ изъ сумрака.

Она встала, посмотрѣла на его грустно склоненную фигуру и подошла къ роялю. Снова вдругъ бѣло вспыхнула въ свѣтѣ электричества клавиатура. Склонившись надъ ней, Маруся точно сосредоточилась въ себѣ, и прелестные, задумчивые звуки нѣжными гирляндами, сплетаясь и расплетаясь, поплыли въ сумеркахъ. И вдругъ, какъ чистый, горный ключъ поднялся [серебристый дѣвичій голось :

« Я къ вамъ пишу — чего жъ вамъ боль? »

« Что я могу еще сказать?... »

И полилась, тоскуя, дѣвичья жалоба къ тому, далекому и холодному, и странно взбудоражила она вечернюю печаль души Ивана Константи-

новича: на мгновение ему почудилось, что это о немъ тоскуетъ дѣвичья душа!.. Но тотчасъ же онъ раздавилъ въ себѣ эту смѣшную и гадкую мысль и съ тайной тревогой слушалъ Галю, вспоминая далекое, то, что было, и чего нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ... И вдругъ нѣжно и такъ знакомо ударило по душѣ:

«Пастухъ играетъ... А я-то, я-то!..»

Иванъ Константиновичъ быстро, но безшумно всталъ и отошелъ къ темному окну. Въ небѣ, среди косматыхъ облаковъ, одиноко бѣжалъ куда-то серебряный серпикъ луны. На глазахъ Ивана Константиновича стояли слезы... Маруся быстро оглянулась на него, хотѣла было продолжать, но разомъ оборвала и рѣшительно встала.

— Иванъ Константиновичъ...— сказала она тихо и твердо.— Пойдите сюда.

Онъ незамѣтно смахнулъ слезы и пошелъ къ ней. Она рѣшительнымъ движеніемъ потушила электричество и, точно вдругъ подломившись, опустилась на табуретъ у рояли и тихо сказала:

— Сядьте здѣсь... ближе ..

Полный непонятной тревоги, онъ, ничего не понимая, повиновался.

— Иванъ Константиновичъ... — повторила она низкимъ, прерывающимъ отъ волненія голосомъ. — Неужели вы не видите, какъ вы... меня... мучаете?..

— Богъ съ вами!.. Я? Васъ?!.. — пораженный, пробормоталъ онъ. — Да чѣмъ же могу я мучить васъ?

Горячими, трепещущими руками схватила она его за руки, быстро вплотную приблизила къ нему свое лицо и молчала, вглядываясь, и глаза ея въ сумракѣ казались огромными и глубокими.

— Такъ, дѣйствительно, вы ничего... не видите, не чувствуете, ничего не понимаете?..

— Голубушка, ради Бога... Да о чемъ вы?.. Я, право, совсѣмъ тесряюсь...

Она въ отчаяніи бросила его руки, выпрямилась и горестно прошептала:

— А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ онъ ничего не понимаетъ!..

На мгновеніе она закрыла лицо ру-

ками и вдругъ рѣшительнымъ, неуловимымъ движеніемъ опустилась къ его ногамъ и горячо, лихорадочно схватила опять его руки.

— Да вѣдь я же... люблю... васъ, странный, необыкновенный, жестокій человѣкъ! — страстно вырвалось у нея, и горячимъ лбомъ она приникла къ его рукамъ. — Не... отталкивайте меня!..

Точно громы небесные обрушились на его голову. Ему не хватало воздуха. Ярко вспыхнуло въ мозгу видѣніе: онъ стоитъ съ ней, вставшій изъ гроба, рука-объ-руку надъ охваченной безумьемъ восторга толпой и чувствуетъ, что между ними жутко зияетъ пропасть пролетѣвшихъ годовъ... И вотъ теперь чудо продолжалось: пропасть на его глазахъ замкнулась, какъ Фаустъ послѣ волшебнаго кубка, преобразался онъ самъ, свершалось то, о чемъ онъ не смѣлъ думать даже въ сокровеннѣйшей глубинѣ души, о чемъ онъ лишь позволялъ себѣ, не называя вещи по имени, только грустить... Что это, новый безумно-щедрый даръ волшеб-

ницы-жизни или тонкое издѣвательство надъ нимъ? Правдой это не можетъ быть...

— Маруся... милая... родная... — задыхаясь, едва заговорилъ онъ. — Встаньте... Намъ надо говорить... Происходить что-то ужасное.. Встаньте, встаньте... Вотъ такъ... Садитесь... А я буду у вашихъ ногъ — да, да, не протестуйте, не мѣшайте мнѣ... молиться. Да, такъ надо.. И слушайте меня внимательно, постарайтесь понять... Слушайте: если бы то, о чемъ вы говорите, было дѣйствительно такъ, то я... да, я умеръ бы отъ счастья...

Маруся схватила его голову обѣими руками и снова, но уже съ безмѣрно счастливымъ лицомъ заглянула ему въ душу своими темными, бездонными глазами, ожидая что еще откроетъ онъ.

— Да?... — прошептала она. — Да? О, какое счастье... Говорите, говорите....

— Подождите!.. Ради Бога подождите!.. — горько, въ отчаяніи прервалъ онъ. — Да, если бы это было

такъ, но это не такъ! Это самообманъ, все, что хотите, но этого — нѣтъ. Постойте, постойте, — дайте договорить мнѣ до конца! Да, это для меня даже не милостыня, это хуже, чѣмъ милостыня... Васъ, молодую, наивную, зачаровалъ блескъ моего успѣха, можетъ быть, плѣнила васъ красота созданія моего, все, что хотите, но не я, не я, не я!.. Нѣтъ, не я!.. — съ мукой выкрикнулъ онъ, вдругъ ярко вспомнивъ шаржъ-рисункъ. — Нѣтъ, не я, Это дѣвичій капризъ, это настроеніе минуты, я никогда не позволю себѣ воспользо-ваться этимъ! Я не воръ!

— Ну, ну, ну... — счастливо смѣясь, говорила она, какъ говорятъ ребенку, чтобы онъ продолжалъ свои милыя глупости. — Ну, еще что? О, Какое счастье!..

— Маруся, дитя мое, мое солнышко, вы должны слушать, должны понять меня... Мнѣ это мучительно трудно, мнѣ стыдно, но я скажу, я, чтобы исцѣлить васъ, повторю еще разъ: да, я молился въ тайнѣ сердца моего, вы мое солнце, вы для меня все, все, все,

но именно поэтому-то я и не оскорблю моего божества... Вотъ... я даже рукъ вашихъ не поцѣлую... я не прикоснусь къ вамъ... вотъ... я отхожу совсѣмъ... — вставая и отходя, дрожащимъ голосомъ говорилъ онъ. — Это — безуміе, этого быть не можетъ...

— Ну, ну, ну... — блаженно повторяла Маруся. — Если бы ты только зналъ, какое это блаженство слушать тебя! — вдругъ страстно вырвалось у нея. — Я точно въ небѣ на какихъ-то нѣжныхъ, точно стеклянныхъ крыльяхъ летаю и смотрю внизъ... И страшно, и блаженно, блаженно...

И она призывно протянула къ нему руки.

— Нѣтъ!... — даже топнулъ онъ ногой. — Нѣтъ, я не приму, я не возьму того, что не мое! Я не воръ...

И вдругъ яркая мысль озарила его. Онъ сдѣлалъ надъ собой страшное, послѣднее усиліе и тихо, размѣренно сказалъ :

— Слушайте, Маруся, слушайте еще!.. Я не знаю, извѣстно ли это вамъ, говорила ли когда объ этомъ

ваша мать, о томъ, какъ безумно любилъ я ее въ молодости...

Она вся выпрямилась вдругъ, за-
таилась, ожидая.

— Нѣтъ? Не говорила? Ну, вотъ...
Да, я любилъ ее такъ, какъ никогда
въ жизни никого не любилъ... А вы —
вы такъ изумительно, до мелочей по-
хожи на нее... Любя васъ, я, въ сущ-
ности, люблю, можетъ быть, не васъ,
а ее, возвратившуюся, чудомъ во-
скресшую...

Маруся издала какой-то тихій, жа-
лобный звукъ — точно въ ея сердцѣ
оборвались вдругъ всѣ струны, подня-
лась, растерянно прошла по комнатѣ,
точно отыскивая что, и, снова опу-
стившись у рояли, склонилась надъ
клавіатурой, и глаза ея безъ выраже-
нія, тупо, точно въ пропасть какую
холодную смотрѣли. Онъ, весь тре-
пеща отъ волненія, почти не помня
себя, снова отошелъ къ окну. Въ
душѣ его была и гордость побѣди-
теля, и уже сожалѣніе — зачѣмъ, за-
чѣмъ затопталъ онъ эти послѣдніе
цвѣты?! — и жалость къ себѣ... И,
вся омертвѣвшая, Маруся машинально

опустила руки на холодные клавиши
и въ густомъ уже сумракѣ вдругъ
робко и жалобно, надрывно прозвучало :

«Пастухъ играетъ... А я-то, я-то!»

У окна тихо плакалъ Иванъ Константиновичъ...

Ив. Наживинъ.

1921
ГОДЪ